

Австралийские системы родства. Дополнение к изданию 2013 г.

Предлагаемый текст «восстанавливает» две главы, не вошедшие в книгу «Австралийские системы родства» (2013) из-за превышения объема. В сильно сокращенном виде они составляют часть третьей главы (см. стр.51 и далее). Для более ясного понимания начала хода рассуждений дается концовка третьей главы в том виде, в котором она существовала до момента исключения двух выше упомянутых глав. При этом, конечно, следует учитывать, что при непосредственной подготовке этих глав к печати они могли приобрести несколько иную форму.

Метод диаграмм А.Р.Рэдклифф-Брауна

.....
... в рассматриваемой работе Рэдклифф-Браун [Radcliffe-Brown 1930: 43-44], кажется, впервые при анализе австралийских материалов открыто использует понятие «классификационная система терминологии родства» и дает ему определение, включающее три принципа: 1) эквивалентность сиблингов; 2) эквивалентность родства и свойства; 3) эквивалентность понятия родства и отношения в любом другом социальном смысле [Radcliffe-Brown 1930: 43-44]. Возникает вопрос: что мы в действительности определяем, ссылаясь на три указанных принципа – особенности терминологии или особенности системы родства? Способ называния, людей, считающихся родственниками, или систему отношений, ставящих этих людей в отношении родства? Если первое, то не может быть никаких претензий к исследователям, ограничивающимся в поле сбором терминологий родства. Если второе – никакая терминология родства не отражает и сотой доли тех отношений, в которые вступают друг с другом люди, подпадающие под определение родственников. Из данной, казалось бы, чисто стилистической неточности, связанной с употреблением термина «терминология родства» вместо «система родства», возникло целое научное направление, исповедующее лингвистический подход к исследованиям явлений родства. Не имея реальных результатов, представители этого направления практически остановили развитие школы Моргана, Риверса и Рэдклифф-Брауна, отстаивающих то, что принято называть этнографическим подходом.

Компонентный анализ систем родства А.Л.Крёбера.

Критику в адрес разделения «классификационные – описательные системы родства» в своей статье, впервые опубликованной в 1909 г., Крёбер начинает с того слабого (слабо разработанного) звена теории Моргана, о котором говорилось в предыдущем разделе, – с возможности двоякого истолкования свойства классификационных терминов выступать в роли средств группирования элементов данного множества на несколько подмножеств. «Достаточно беглого взгляда (“a moment’s reflection is sufficient”), – пишет он, – чтобы увидеть, что каждый язык группирует под одним именем множество различных степеней и видов родства. Наше понятие «брат» включает как старшего, так и младшего брата, а также брата любого мужчины и любой женщины. Как следствие,

оно охватывает или классифицирует четыре отношения». Английское слово “cousin” обозначает (“denotes”) *как мужчин, так и женщин*; кузенов со стороны отца или со стороны матери; кузенов, ведущих свое происхождение от брата родителя или сестры родителя; кузенов, которые старше или младше говорящего, либо кузенов, чьи родители старше или младше родителя говорящего; и кузенов любого мужчины или любой женщины. В конечном счете, этим английским словом обозначаются (“denoted”) тридцать два различных отношения» [Kroeber 1971: 59-60].

Он также пишет, что общее «теоретически возможное» число выделяемых отношений родства, достигает числа нескольких сотен (на самом деле бесконечно. – *ПБ*), поэтому язык вынужден классифицировать эти отношения с помощью сравнительно небольшого числа терминов. Далее он пишет, что, «если следовать общепринятому пониманию того, что составляет классификационное родство (“classificatory consanguinity”), английский язык с его двадцатью терминами родства (“terms of relationships”) является не менее, но более классификационным, чем языки всех примитивных народов, которым случилось иметь двадцать пять, тридцать или более терминов» [Kroeber 1971: 60]. И, наконец, следующее: «Тот эмпирический факт, что другой народ группирует вместе различные отношения, которые наш язык разделяет, еще не делает их систему классификационной [Kroeber 1971: 60].

Уже из первого из приведенных пассажей становится видно, как незаметно для читателя (и, вероятно, для себя самого) Крёбер вводит в сущности ни на чем не основанное (ниоткуда не вытекающее) утверждение: группирование отношений родства есть результат (бессознательных) процессов, происходящих внутри языка («каждый язык группирует под одним именем множество различных степеней и видов родства»). Впоследствии это утверждение, служащее посылкой, выдается за вывод. Такова структура софизма Крёбера, имеющего цель подогнать реальность под теорию, которая трактует факты родства как лингвистические. Подмена тезиса очевидна. При заявлении о намерении доказать несостоятельность различия классификационных и описательных *систем родства* (что отражено в самом названии статьи «Классификационные системы родства»), в заключении он говорит об отсутствии различия между классификационными и описательными *системами терминов родства* [Kroeber 1971: 59, 64]. Двигаясь к желаемому результату, он постоянно подменяет понятие множества, являющееся предметом обсуждения. Он говорит то об отношениях родства, то о людях, которые вступают в эти отношения. Это позволяет ему не замечать, что термины родства являются способом указания на денотаты. Факты, которые он приводит, свидетельствуют не о том, что термины родства «цивилизованных» народов носят классификационный характер, но о том, что эти термины, как и термины родства «нецивилизованных» народов, являются *денотативами*. В этом ключе нет особого смысла вводить понятие «описательные термины родства», имея в виду сложные (составные)

термины «брат матери», «дочь брата матери матери». Простые (элементарные) термины «брат», «мать», «дочь», будучи денотативами, тоже являются «описательными». Как известно, для денотативов, или предметно ориентированных слов, характерна высокая вероятность совпадения семантического признака слова и признака обозначаемого им предмета, поэтому компонентный анализ денотативов предлагается относить к области внеязыковой семантики.

Метод сравнения систем терминов родства, предложенный Крёбером, есть не что иное, как вариант метод компонентного анализа. По его мысли, для того чтобы понять, как существует (как возможно) различие между системами родства «цивилизованных» и «нецивилизованных» народов, если это различие вообще существует, необходимо обратиться к чему-то более точному, чем то «субъективное» мнение, которое на тот момент было общепринятым; вместо того, чтобы иметь дело с сотнями и тысячами порой едва различимых оттенков отношений, которые выражаются или хотя бы могут быть выражены в различных языках, следует сосредоточиться на «принципах» или «категориях», которые стоят за этими отношениями [Kroeber 1971: 60]. Из перечисления «категорий» родства, которое дается ниже, становится видно, что за отношениями между людьми по родству Крёбер видит отношения между терминами родства: 1. Различие между лицами, принадлежащими к разным поколениям; 2. Различие между прямым и боковым родством; 3. Различие в возрасте внутри одного поколения; 4. Пол родственника; 5. Пол говорящего; 6. Пол лица, через которое данное отношение осуществляется (дядя: брат отца или брат матери); 7. Различие между кровным родством и брачными связями; 8. Условия жизни лица, через которое данное отношение осуществляется (живой или умерший, женатый – неженатый, сирота – не сирота) [Kroeber 1971: 60].

По сути список категорий Крёбера – это остенсивное определение понятия родства, (отождествляемого с терминологией родства или нет) подобно определениям других универсалий культуры: одежда, жилище, миф, обряд и т.п.). Можно сказать, метод Крёбера представляет собой способ задания множества явлений родства (точнее, явлений языка родства) списком «категорий», под которым он понимает либо отношения между терминами родства в соответствии с их значениями (пункты 1, 2, 3, 4, 5), либо отношения определенной группы терминов родства к той или иной терминологии в целом (пункты 6, 7, 8). Последнее указывает на относительную специфичность крёберовского подхода. В качестве значимых единиц он рассматривал не отдельные термины родства, а терминологии родства в целом, или «фразы» родства, «значениями» которых выступают признаки статистически преобладающих группы терминов родства, вроде: «придание особого значения (“stress upon”) полу связующих родственников», «слабо развитое разграничение между прямым и боковым родством», «более строгое возрастное деление внутри одного поколения» и т.п. [Kroeber 1971: 63].

На языке общей топологии введение понятия «категория родства» называется заданием минимальной топологии на множестве «явления родства» вместо задания максимальной топологии в виде списка «сотен и тысяч отношений», т.е. денотативов, которые можно построить чисто синтаксическим способом, и которые Крёбер не отличает от соотносимых с ними денотатов. Здесь он вновь совершает незаконный переход от множества «родство» к множеству «термины родства». Верно указывая на тот факт, что терминов родства неизмеримо меньше, чем бесконечное число денотатов родства, он объясняет это явление природой языка. Вроде: «всякое слово классифицирует» (т.е. обобщает. – ПБ.) [Kroeber 1917: 390]. Так он делает вывод: утверждению «термины родства отражают психологию, а не социологию» [Kroeber 1971: 64].

Однако речь все-таки должна идти не о процедуре обобщения, а о процедуре абстрагирования практикой повседневного поведения людей. Например, специального термина для обозначения «брата матери матери матери отца отца сестры и т.п.» не существует не потому, что людям психологически неудобно пользоваться этим термином, а потому, что необходимость его использования отсекается реальными потребностями человеческого общения. То, что в языке нет выражения «корова синей масти», объясняется вовсе не особенностями языка как знаковой системы. Кроме того, даже если вслед за Крёбером сосредоточиться только на лингвистической стороне вопроса, в рассматриваемых языковых случаях мы сталкиваемся не с особенностями психологии, а с особенностями абстрагирующего мышления, которое не имеет прямого отношения к предмету психологии.

Все эти ошибки, вовсе не обязательные даже для науки начала XX века, проистекают единственно из желания во что бы то ни стало побороть Моргана. «Причина, почему смутная, неубедительная идея классификационной системы родства, – пишет Крёбер, – нашла такую широкую поддержку следует искать не в коренном интересе к обозначениям родства как таковым, но в том факте, что термины родства обычно рассматривались в первую очередь как материал, на основе которого могут делаться выводы относительно организации общества и условий брачных соглашений. Если бы было более четко осознано, что термины родства определяются прежде всего лингвистическими факторами и только иногда, к тому же опосредствованно, социальными обстоятельствами, возможно, уже давно было бы осознано, что различие между описательными и классификационными системами является субъективным и поверхностным» [Kroeber 1971: 64].

Связь систем родства с «социальными обстоятельствами» не требует доказательств, поскольку системы родства сами являются составной – в рамках первобытной формации важнейшей – частью социальной организации. С этой точки зрения, действительно, не может возникнуть никаких возражений отно-

сительно того, что понятие классификационных систем родства не имеет никакого смысла родства при чисто лингвистическом подходе, т.е при «коренном интересе к обозначениям родства». Но в том-то дело, что Моргана и его последователей интересует различие между системами родства, а не между терминологиями родства. Крёбер пишет о первом, имея в виду второе. Он берется доказать, что не существует классификационных систем родства, но доказывает нечто совсем другое, что термины родства, как и любые другие термины языка, выступают в функции обобщений («classifications»).

Только желанием скрыть подмену тезиса, на которой основана вся критика Крёбера в адрес Моргана, объясняется знаменитое изречение «системы родства – это терминологии, терминологии – это классификации (“classifications”), а классификации – это отражения «психологических» процессов» [Kroeber 1917: 395]. В данном случае умышленность замены понятия «классификация» (“classification”) более подходящего понятия «обобщение» (“generalization”) не вызывает особых сомнений. Высказывание «системы родства – это терминологии» взято нами из работы Крёбера «Калифорнийские системы родства» (1917), которую он специально посвятил эмпирическому обоснованию своей теории родства.

Пользуясь своим методом, он выделяет три типа систем родства, хотя описывает только терминологии родства. Южный калифорнийский тип характеризуется «очень сильным развитием взаимной терминологии», «удивительной бедностью терминами, обозначающими связи по браку» и «устойчивым признанием фактора линейности, выражающегося терминологически в разграничении перекрестных и параллельных родственников» [Kroeber 1917: 378]. Центральный калифорнийский тип определяется «устойчивой формой взаимной терминологии внутри классов “дед” и “дядя”», «повсеместным разграничением перекрестных и параллельных родственников», «едва развитой номенклатурой для обозначения отношений по браку» [Kroeber 1917: 378]. Северо-западный калифорнийский тип «пренебрегает разграничением перекрестных и параллельных родственников» и «в сущности не обнаруживает признаков существования взаимной терминологии» [Kroeber 1917: 378].

Поскольку, по словам Крёбера, распространение трех типов систем родства не может совпадать с распространением трех типов калифорнийской культуры случайным образом, отсюда следует теоретический вывод: система родства определяется типом культуры [Kroeber 1917: 380]. Конечно, было бы безумием утверждать, что наличие рабства и дощатых жилищ на северо-западе Калифорнии, масок и брачных половин в центральном регионе или рисунков на песке и мифов о происхождении на юге определяют особенности систем родства, перечисленные выше. Поэтому Крёбер предлагает «ментальный» подход при определении «сущности культурных типов». Он пишет примерно следующее: если мы готовы рассматривать культуру как некое целое, лежащее в основе системы родства («kinship systems»), мы должны исходить из того, что на

последнюю оказывает влияние комплекс ассоциаций, который мы можем именовать «душой» (“psyche”), т.е. образом мыслей и чувств характерных для этой культуры; в этом смысле, существование систем обозначений родства (“systems of kinship designations”) обусловлено факторами, которые, за исключением другого слова, могут быть названы психологическими [Kroeber 1917: 381].

С другой стороны, по мнению Крёбера, не существует почти никаких указаний на взаимозависимость между распространением систем родства и социальных институтов вроде практик, связанных с браком, происхождением, личных отношений и т.п. [Kroeber 1917: 381]. В качестве примера он приводит Центральную Калифорнию, где распространение типов систем родства и терминологии родства (“kinship designation”) никак не коррелирует с распространением наследственных половин, или Северо-Западную Калифорнию, где он не находит ни одного «социального», в строгом смысле слова, аспекта культуры, который бы не встречался в других районах Калифорнии [Kroeber 1917: 383].

Подводя итоги, Крёбер пишет, что типы *терминологий родства* (“types of kinship classification”) демонстрируют настолько сильную пространственную корреляцию с типами культуры как «сложными целыми» (“complex wholes”), что вывод может быть только один: эти культурные целостности определяют сущность *систем родства* (“kinship systems”); в то же время, замечает он, специфика социальной структуры в целом показывает очень слабую корреляцию с терминологиями родства (“kinship classification”) [Kroeber 1917: 381].

Здесь важна форма суждений. Если теоретическое обоснование его концепции, как уже отмечалось, строится на подмене тезиса, то эмпирическое обоснование – на априорных представлениях о наличии / отсутствии связей между обсуждаемыми величинами. Доказательством связи между системами родства и особенностями социальной организации считается соответствие границ географического распространения. За образец берется совпадение пространственного распределения систем родства, точнее, терминологий родства, и наиболее ярких черт местной культуры, которое рассматривается как доказанное.

Крёбер, видимо, искренне полагает, что приводит факты, хотя, на самом деле, его утверждения представляют собой набор домыслов, подкрепляемых логически неверными умозаключениями. Во-первых, непонятно, почему выделяемые по географическому признаку культуры рассматриваются как некие целостности. Тем более, что речь должна идти не о географическом, а о теоретическом пространстве. Когда мы говорим о культуре как целом, мы, вероятно, имеем в виду связь между её элементами, абстрагируясь от того, как они распределяются в физической реальности. «Культура» и «культурный ареал» не являются синонимами. Во-вторых, неизвестно, кем был установлен закон необходимости наложения ареалов распространения тех или иных признаков, которым он пользуется при доказательстве наличия / отсутствия связей между

системами родства, социальной организацией и культурой в целом. Поэтому поводу возникает вопрос: если социальная организация является частью культуры в целом, а системы родства – частью социальной организации, то как теоретически вообще возможно их «несовпадение» между собой? Что, собственно говоря, заставляет Крёбера сравнивать искусственные (географические) конструкты «культура индейцев южной Калифорнии», «культура индейцев центральной Калифорнии», «культура индейцев северо-западной Калифорнии»?

Гораздо естественнее сопоставлять культуру менее крупных этнических единиц вроде: мохавы, луизеньо, йокуты и т.п. Тогда, наверняка, не придется говорить о каких-либо «несовпадениях». Например, австраловеды никогда не пытались создавать такие эфемерные объекты, как «система родства центральной Австралии», или «система родства южной Австралии». Поэтому в их работах проблема соответствия системы родства особенностям социальной организации никогда не возникает. Не говоря уже о соответствии локальной культуре, частью которой она является по определению.

Наконец, Крёбер мог бы задаться и таким вопросом. Каким образом обосновываемый теоретический объект «термины родства определяются культурой» согласуется с теоретическим объектом «термины родства определяются языком», ранее им же самим построенным [Kroeber 1971: 64]? Относительно последнего утверждения Риверс в 1914 г. писал следующее: «Термины родства, однако, являются элементами языка, так что предложение Крёбера сводится к тому, что элементы языка определяются самим языком. Настолько, насколько это предложение вообще имеет смысл, оно должно означать, что в процессе изучения явлений языка, мы обязаны игнорировать любые факты, кроме лингвистических. Из этого следует, что исследователь данного предмета должен искать antecedенты лингвистических явлений в других лингвистических явлениях и не обращать внимания как на несоответствующие его задаче все ссылки на объекты и отношения, которые данные слова обозначают (“denote”) подразумевают (“connote”) [Rivers 1971: 65]. Точнее было бы сказать так: предложение Крёбера означает, что в процессе изучения явления родства, мы обязаны игнорировать любые факты, кроме лингвистических.

В своем ответе Риверсу, как бы в подтверждение сказанного, Крёбер в качестве главного аргумента использует тот, «очевидный факт, что мы подступаем к системам родства со стороны терминологий, являющихся их выражением, делает их (системы родства, – П.Б.) частью речи»* [Kroeber 1917: 390]. Вероятно, именно благодаря этому он считает себя вправе заявить (см. упоминание

* Эта крёберовская максима обнаруживает поразительное и вместе с тем ранее никем не отмеченное сходство с одним из главных положений В.А.Попова: «Структурно-компонентный состав СР можно познать только через анализ СТР в двух ее основных формах, т.е. исследование должно строиться от плана выражения к плану содержания» [Попов 1990: 148].

выше): «системы родства – это терминологии» [Kroeber 1917: 395]. Дополнительным аргументом для него служит влияние, которое оказывают терминологии родства на брачные обычаи [Kroeber 1917: 394]. Такой факт действительно существует, но говорит он лишь о том, что любая знаковая система, однажды возникнув, приобретает относительную свободу от условий, ее породивших, оказывая обратное влияние. Например, предпочтительность брака с дочерью брата матери при одновременном запрете брака с дочерью сестры отца связана с использованием соответствующих терминов родства, но сама форма такого брака возникает не в результате спонтанного развития языка, а в результате необходимости различения этих отношений родства и, как следствие, необходимости создания разных обозначений. Причем различение отношений возможно и при существовании только одного термина.

Пожалуй, единственно верное критическое замечание Кребера касается понимания сферы применимости теории Моргана, когда системы родства рассматриваются только в качестве материала для гипотетических реконструкций или, по его очень удачному выражению, в качестве крючков, на которые удобно вешать так называемые «стадии социального развития»** [Kroeber 1917: 387]. Естественно, в процессе научных коммуникаций на протяжении многих десятилетий теория Моргана обросла мифами (в значении ни на чем не основанных слухов). Многие исследователи и теперь соглашались друг с другом в том, что стержнем теории Моргана служит стремление объяснить различия между существующими «формами родства» именно эволюцией «форм брака» от промискуитета до моногамии [Dziebel 2007: 5]. Возможно, это ложное представление восходит к одной из формулировок самого Риверса: «Льюис Морган – единственный из современных авторов попытался создать полную схему эволюции человеческой семьи, схему, основанную почти исключительно на изучении классификационной системы родства, первооткрывателем которой он является. Согласно этой схеме, человеческое общество развивалось от состояния полного промискуитета к состоянию, характеризующемуся моногамией путем постепенной эволюции, три основные стадии которой Морган назвал кровнородственной семьей, семьей пуналуа и моногамной семьей» [Rivers 1907: 309: 309-323]. В действительности, теория классификационных систем родства и теория стадий развития семьи не связаны между собой аксиоматически. Следовательно, опровержение существования стадии промискуитета, кровнородственной семьи или семьи пуналуа и т.п. не означает автоматическое опровержение деления систем родства на описательные и классификационные.

Предлагаемая Крёбером альтернатива – изучать «системы родства как системы родства» [Kroeber 1917: 387]. К этому мнению можно вполне присоединиться с одной существенной поправкой (см. выше). Изучать системы родства

** Ср.: «Моргановский подход к терминологии родства как к историческому источнику для изучения социальной истории является сейчас общепризнанным» [Попов 1990: 147].

как системы родства – это значит *ненасильственным образом* изучать связи с их настоящим социальным контекстом. Эта проблема была решена Риверсом, который использует генеалогический метод в качестве входа в социальную организацию и традиционную культуру в целом.

Этот вариант решения проблемы Крёбер для себя совершенно исключает. В рамках его теории систем родства конкретные исследования должны быть связаны с анализом использования «категорий», в том значении этого слова, которое определяется представлением о существовании неких общих статистических признаков («культурных конструкторов») отдельных терминологий родства, в смысле преобладания или отсутствия терминов того или иного вида: взаимные термины, термины, различающие людей по полу или по возрасту, термины, различающие прямую и боковую линии и т.п. Пытаясь представить себе, в каком направлении могут идти подобные исследования и к каким результатам они могут привести, мы возвращаемся к процитированному выше высказыванию Эдмунда Лича.

Напомним себе, что своим самым достижением Крёбер считает эмпирическое доказательство отсутствия взаимной связи между системами родства и социальной, например, клановой организацией. Связь с «типом культуры» обосновывается чисто дедуктивным способом, по закону исключенного третьего: если не социальная организация, то культура. Однако, в чем состоит эмпирическое доказательство? Как он предупреждает во введении к «Калифорнийским системам родства», собранные им системы обозначений родства в большинстве случаев не подкреплены генеалогиями или конкретными записями, большинство списков не являются исчерпывающими, а сами данные в некоторых случаях могут быть неточными [Kroeber 1917: 340]. Таким образом, все доказательство состоит в отсутствии сбора доказательств.

В качестве иллюстрации тупика можно использовать «идеологическую парадигму» Г.В.Дзибеля, в рамках которой обиходные в научной литературе обозначения видов терминов (взаимные термины родства, скошенные термины, скользящие термины и т.п.) рассматриваются уже как независимые от субъекта исследования сущности, видоизменяющиеся и скрещивающиеся между собой подобно неким организмам [Дзибель 2001]. Неслучайно Крёбер использует идею «души» культуры Лео Фробениуса. Такая практика вполне согласуется с тезисом Крёбера «системы родства – это терминологии». Г.В.Дзибель даже заостряет позицию Крёбера. «По иронии судьбы, Клод Леви-Стросс моделирует теорию родства посредством понятия лингвистического обмена, но упускает тот факт, что родство и есть лингвистический обмен (точнее, обмен терминами языка. – *ЛБ*)» [Dziebel 2007: 189]. Здесь уместна аналогия с театром. Зрители сдают верхнюю одежду в гардероб и взамен получают номерки. Вероятно, с точки зрения Дзибеля, это номерки «получают» зрители.

Впрочем, понять причины, по которым в современных исследованиях по родству приоритет отдается лингвистической модели, невозможно без осознания основного замысла Крёбера, состоявшего в отказе от идеи детерминизма в науке. Теория Моргана, как это становится видно из ответа Крёбера Риверсу, не устраивает его именно своим детерминизмом [Kroeber 1917: 386-387].

Теперь, по-видимому, применение исключительно лингвистических методов к явлениям родства многим по-прежнему кажется лучшим способом доказательства от противного недетерминистской, статистической, антиэволюционистской) модели мира. Нам как бы говорят: да, крёберовская модель теоретически противоречива, неудобна в применении, не дает никаких конкретных результатов, но она носит антиэволюционистский характер, следовательно, в принципе является верной. Возможно, этим – хотя бы отчасти – объясняется и ныне существующее предубеждение, или недооценка, в отношении использования метода диаграмм в исследованиях по родству, поскольку они, безусловно, тоже носят детерминистский характер.

Выражая свое отношение к традиции построения диаграмм в исследованиях по родству, Г.В.Дзибель приводит фразу Алана Кемпбелла «диаграммы в сущности являются для нас способом мысленного отображения терминологий»* [см. Dziebel 2007: 188]. При этом он полностью солидарен с мнением, что каждый состоявшийся «аналитик родства» (“kinship analyst”) предпочитает использовать свой тип диаграмм. Первое. Непонятно, откуда такая уверенность, что мы «думаем» диаграммами именно о терминологиях родства, заранее исключая возможность изображения с помощью диаграмм внеязыковую реальность систем родства. Второе. Непонятно, как сопоставлять результаты анализа, основанного на использовании р а з л и ч н ы х по своему строению диаграмм. Третье. Собственная «карта родства» (“kin chart”) Г.В.Дзибеля [Dziebel 2007: 190, fig.4], якобы обобщающая данные словарей родства (“result of the inspection of almost half of the world kin vocabularies”), на самом деле является картой денотатов родства, представляющей собой своего рода «конспект» (без указания всех связей между «ячейками», или «боксами») диаграммы родства кариера (Австралия), в 1913 г. впервые составленной Рэдклифф-Брауном (см. ниже).

Конечно, надо признать, что смешение терминов «система родства» и «система терминов родства» было присуще самому Моргану. Это можно продемонстрировать с помощью его диаграмм, долженствующих наглядным образом свидетельствовать о коренном различии между описательными и классификационными системами родства. Однако для Моргана это неразличение терминов не означало тождества соответствующих значений.

* “The diagrams *are* the way we think about terminologies” (курсив оригинала. – *ЛБ*)

Так или иначе, в конечном итоге Крёберу все-таки удалось внедрить некий «план», т.е. настолько запутать вопрос, пользуясь не всегда четкими формулировками и не всегда последовательными рассуждениями Моргана и его школы, что моргановские идеи постепенно стали замещаться похожими по форме, но ошибочными по существу. Тогда, как сторонники Крёбера, логически не вполне законно используя отдельные – чаще устаревшие – элементы эволюционного подхода и посему даже время от времени относя себя последователями Моргана, постепенно вышли на господствующие позиции в исследованиях по родству. Есть работы, в которых предпринимаются попытки объединить теорию Моргана и Крёбера (т.е. этнографический и лингвистический «подход»), а есть работы, в которых эти теории объединяются без предъявления каких-либо серьезных аргументов.

Пожалуй, только австраловедение еще некоторое время оставалось своего рода заповедником этнографического подхода к системам родства. Не будучи эволюционистами «по букве», западные австраловеды продолжали развивать идею классификационных систем родства. В этом смысле остается загадкой, почему Крёбер не обратил внимания на работы Рэдклифф-Брауна, который, с объективной точки зрения, как будет видно из содержания одного из следующих разделов, выступал его главным и самым опасным оппонентом.

Концепция «парадигмального сдвига» Д.Рида.

В этом свете полезно сделать несколько замечаний по поводу «инакомыслия» в изучении родства, проявленного в работах Д.У.Рида, – автора, который, хотя и не очень четко (возможно, не вполне осознанно), проводит параллель между существующим разделением исследователей родства на два противоположных лагеря и двумя способами графического описания систем родства, по его весьма справедливому замечанию, изоморфными друг другу [Read 2009: 46]. Что это за противостояние и что собой представляют два упомянутых способа построения диаграмм?

Речь идет о противопоставлении двух точек зрения (отсчета) при моделировании систем родства. Генеалогическая точка зрения предполагает упорядочивание пространства родства с помощью противопоставления линий родства, поколений предков и потомков, мужского и женского пола. Специфика противоположной точки зрения обусловлена использованием социальных категорий: отдающие женщин в жены / получающие женщин в жены, члены линиджа / не члены линиджа [Read 2009: 46]. В логике это соответствует разделению на классификации по видоизменению признака и классификации по наличию и отсутствию признака.

Демаркационная линия по поводу двух возможных взглядов на системы родства была проведена в 1953 году, в статье Л.Дюмона, постулирующая понима-

ние систем родства как систем отношений по браку, точнее приоритет отношений свойства над отношениями родства [Dumont 1953: 34-39]. Отклик А.Р.Рэдклифф-Брауна был выражением недоумения по поводу этой реинтерпретации понятия систем родства, поскольку Л.Дюмон все же так и не смог внятно объяснить, в чем заключается преимущество идеи, согласно которой, например, брата матери предписывается рассматривать не как родственника, а как свойственника («родственника по альянсу») [Radcliffe-Brown 1953: 112]. Таким образом, спор между последователями А.Р.Рэдклифф-Брауна и Л.Дюмона в действительности сводится к вопросу о подборе более удобной топологии: что точнее отображает систему родства, филогенетическое дерево или филогенетическая сеть, или что проще принимать за узел, положение одного или двух «родителей».

Если отвлечься от того, как обосновывает и оценивает свой вклад сам Д.Рид, новизна его взглядов на исследования феномена родства заключается в идее описания систем (точнее, систем терминов) родства с помощью графа «сети», который он именуется «алгебраической структурой» (см. соответствующую диаграмму в его статье), или «семейным деревом» [Read 2009: 58, 61]. Подбор данной топологии произошел, по-видимому, спонтанно, хотя автор всячески пытается убедить, вероятно, в первую очередь, самого себя, что его конструкция логически вытекает из стремления преодолеть недостатки генеалогического метода и формального метода (компонентный анализ, правило перезаписи) [Там же: 46]. По его мнению, ущербны оба подхода. В рамках первого термины родства рассматриваются как способ фиксации генеалогических отношений между людьми, в рамках второго – как средство идентификации социальных категорий, не подразумевающих деления по генеалогическим признакам [Там же]. С точки зрения Д.Рида и тот, и другой подход не учитывает возможности рассматривать терминологию родства как «культурный конструкт» [Там же]. С этим связано противопоставление его собственной позиции взглядам Л.Г.Моргана и А.Л.Крёбера, объединяемых им, с использованием более точных понятий, по признаку приверженности такой модели родства, оператор которой обладает свойством генеалогии. Например, он считает ошибочным утверждение Ф.Дж.Лоунсбери, что родство – это либо генеалогия, либо ничто [Lounsbury 1965: 142-185]. «Короче говоря, – пишет Д.Рид, – ТР необходимо рассматривать как таковую, т.е. в виде упорядоченной системы символов со своей логикой и структурными свойствами, обусловленными способом ее определения в качестве культурного конструкта» [Там же: 47]. Именно в такой интерпретации терминологии родства становятся объектом анализа с помощью предлагаемого Д.Ридом метода «порождающей логики» [Там же: 53]. Предполагается, что только этим путем можно перейти от эмпирического описания к выявлению структуры терминологий родства, что в конечном счете якобы позволяет примирить две концепции, одна из которых построена на различении описательных и классификационных терминологий родства (Моргана), а другая – на отрицании значимости такого разделения

(Крёбер). По словам Д.Рида, такое «структурное свойство, как классификационный принцип может [сам по себе] возникнуть из логики порождения терминологий» [Там же: 62-63].

Между прочим, Морган начинал с «логики порождения терминологий», строя таблицы денотатов («культурных конструкторов»). Фактически, повторяя опыт создания кода Ю.И.Левина, Д.Рид попытался, правда, на иных основаниях, свести и первичные, и вторичные термины Моргана к трем терминам, которые, как ему кажется, имеют более абстрактный смысл: «родитель», «дитя», «супруг». Разница в том, что для Ю.И.Левина – это способ обозначения, а для Д.Рида – само обозначаемое. Ю.И.Левин вводит свой код во избежание ассоциаций с физиологическими связями между людьми, Д.Рид это желает во избежание ассоциаций с внеязыковой реальностью в целом. Если для Ю.И.Левина внеязыковая реальность еще существует, то для Д.Рида – уже нет. Во всяком случае, как нечто существенное для его выводов. Для него все происходящее в сфере отношений родства – внутренняя реальность языка. Таким образом, вместо опровержения Моргана и Крёбера, Д.Рид с помощью паллиатива «культурный конструктор» получает очень сложную смесь их взглядов. В менее витиеватой форме, нечто подобное было проделано М.В.Крюковым, который включил в компонентный анализ терминов родства инородную для этого метода процедуру составления списка денотатов [Крюков 1972: 24-25].

Похоже, Д.Рид не совсем точен в отображении сущности расхождений между двумя авторами, взгляды которых он подвергает критике. Концепция Моргана и концепция Крёбера генетически несовместимы друг с другом, поскольку первая направлена на изучение систем родства (\neq терминологии родства), а вторая – на изучение терминологий родства (= системы родства). Это необходимо учитывать, поскольку выводы Д.Рида претендуют на то, чтобы считаться результатом программирования с использованием структуры разветвления («нет – да»). Его структурограмма вычисления понятия терминологий родства должна была бы выглядеть примерно следующим образом:

ввод: существует ли связь между терминологиями родства и социальной организацией?			
Лингвистика		Лингвистика	
НЕТ			ДА
Терминологии родства – культурный конструктор		Предмет исследования – терминология родства	
НЕТ	ДА		
Описание структуры терминов		негенеалогический / неформальный анализ	
НЕТ	ДА		
		порождающая логика	
вывод: терминологии родства не связаны с социальной организацией			

В реальности же существуют две структурограммы вычисления функции родства, этнографическая и лингвистическая, которые идут, соответственно, от построений Моргана и Крёбера.

ввод: существует ли связь между терминологиями родства и социальной организацией?			
Лингвистика		Лингвистика	
НЕТ			ДА
НЕТ	Разделение «описательные – классификационные терминологии» не имеет значения	ДА	Предмет исследования – терминология родства
НЕТ	Описание значений терминов родства	ДА	
	типология терминологий родства	компонентный анализ	
вывод: терминологии родства не связаны с социальной организацией			

ввод: существует ли связь между системами родства и социальной организацией?			
Этнография		Этнография	
НЕТ			ДА
НЕТ	Разделение «описательные – классификационные терминологии» имеет значение	ДА	Предмет исследования – системы [отношений] родства
НЕТ	Описание отношений родства	ДА	
НЕТ	Социальные категории	филогенетическая сеть	
	типология систем родства	метод диаграмм	
вывод: системы родства связаны с социальной организацией			

Объективно говоря, Рид попытался объединить две эти структурограммы в одну, поэтому алгоритм его рассуждений, в силу различия предметов этнографии и лингвистики, может быть представлен только в словесной форме. На практике лингвистика вытесняет этнографию и в целом его структурограмма принимает чисто лингвистический облик, принципиально ничем не отличаясь от структурограммы, описывающей действия в рамках компонентного анализа, поскольку метод анализа, в основу которого Рид положил понятие порождающей грамматики («логики») Хомского, тоже является методом описания языковых единиц. Рид всерьез утверждает, что формализация родства

средствами генеративной лингвистики возвращает нас к этнографическому контексту тогда, как компонентный анализ уводит от него [Рид 2011: 115]. Это довольно смешное предположение, поскольку порождающая грамматика является еще более абстрактной лингвистической теорией, чем та, на которой основывается компонентный анализ.

Отличие предлагаемого Ридом метода порождения концептов терминов родства [Там же: 108] от метода компонентного анализа Крёбера заключается только в том, что он, как видно из другой, более поздней его работы, понятие десигната (сигнификата, концепта) подменяет понятием денотата (референта), т.е., попросту говоря, путает Крёбера с Морганом. «Формализм компонентного анализа, – пишет Рид, – например, основывается на референциальной теории значения, в рамках которой тот или иной термин родства понимается через то, к чему он отсылает, или через свой денотат. Со времен Льюиса Генри Моргана ... денотаты терминов родства считались генеалогическими, исходя из положения, согласно которому системы терминологии родства основываются на укорененных в культуре категоризациях генеалогических отношений. Вкупе с основополагающей статьей Альфреда Крёбера... о масштабности генеалогических отношений это стало одновременно теоретическим оправданием и средством внедрения формализма компонентного анализа, применяемого к терминам родства» [Там же: 102].

Во-первых, весь пафос статьи Крёбера, опубликованной в 1909 г., состоит в отрицании состоятельности теории Моргана, говорящей о существовании двух форм родства, описательной и классификационной. **Во-вторых**, данное отрицание строится именно на переносе внимания с денотатов на сигнификаты, т.е. с описания носителей (отношений) родства на описание значений терминов родства. В роли основной посылки выступает тезис о сводимости систем родства к терминологиям, который был более четко сформулирован в статье, посвященной системам родства индейцев Калифорнии (1917). Именно в последней из двух упомянутых статей Крёбер пытается доказать, что различия терминологий родства никак не связаны с социальной организацией, но обусловлены исключительно различиями культуры. В терминах Рида, Крёбер определяет терминологии родства как «культурные конструкторы».

Такое совпадение взглядов автора компонентного анализа терминов родства и его критика выглядит вполне естественным. Никаких различий здесь и быть не может. Для Рида так же, как и для Крёбера, синонимичность системы родства и системы терминов родства является совершенно неоспоримым положением (и, как думается, достижением). Можно согласиться, что при таком подходе вывод о несостоятельности теории Моргана абсолютно правомерен. Остается выяснить насколько правомерным является сам подход. В подтверждение своей правоты Рид приводит факты, которые, безусловно, довольно легко умножить и которые он рассматривает как свидетельство вычисления отношений родства между людьми без каких-либо генеалогических расчетов.

Как он пишет, терминологические системы позволяют установить отношения между терминами, не прибегая к счету родства, только средствами местных представлений о том, что он сам именуется производством терминов родства (kin term product). В частности, он ссылается Салинза, заметившего, что термины родства фиджийцев-моала позволяют двум относительно чужим людям быстро определить, в каких отношениях родства они находятся, не вдаваясь в сложные генеалогические расчеты, которые к тому же обычно им не под силу: «...Если А относится к В как дитя к матери, *veitanani*, тогда, как С относится к В как *veitacini*, сиблинг того же пола, то из этого следует, что А относится к С как дитя к матери, хотя они никогда не встречались вместе или не знали этого. Термины родства предсказуемы. Если два человека находятся в родственных отношениях к третьему, тогда они являются родственниками друг другу [Sahlins 1962: 155]. Если сообщение Салинза – это абсолютно точное описание общеизвестного этнографического факта, то предлагаемая Ридом интерпретация данного факта есть проявление профессионального невежества. В этнографической реальности, о чем, очевидно, не знает Рид, первый шаг при установлении степени родства всегда делается с опорой на внеязыковую реальность. Прежде, чем делать «вывод» о родственных связях с индивидом С, индивид А должен доподлинно, т.е. исходя из повседневной практики общения, знать, что индивид В является его *veitanani*, родной или классификационной *постольку, поскольку* речь идет об обществе с классификационной системой родства.

Во-вторых, если носители традиционной культуры избегают вести генеалогические подсчеты, это не значит, что они в принципе не умеют это делать или что им никогда не приходится это делать. Во многих случаях, например, при так называемых альтернативных браках действительные родственники отличаются от классификационных, отец отца – от брата матери матери и т.п., даже если они обозначаются одним термином.

(*NB* при счете родства учитываются точки скрещивания линий и поколений. Пол имеет второстепенное значение. Отсюда: *Ego + m = m*, *Ego + F = F*. *Ego* – нейтральный элемент и в качестве такового представляет собой особый, специально введенный термин родства, денотатом которого является «говорящий».)

Литература

- Дзибель Г.В. Феномен родства. Прологомены к иденетической теории. СПб., 2001.
Крюков М.В. Система родства китайцев. М., 1972.
Попов В.А. Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках. М., 1990.
Рид Д.У. Предварительные условия алгебраической формализации систем терминологии родства // Антропологический форум, 2011, №15. С.101-116.

- Dumont L.** The Dravidian kinship terminology as an expression of marriage // *Man*, 1953, Nos.53-71. P34-39.
- Dziebel G.V.** The Genius of Kinship. The Phenomenon of Human Kinship and the Global Diversity of Kinship Terminologies. N.-Y., 2007.
- Kroeber A.L.** California kinship Systems // *American Archaeology and Ethnology*, 1917, Vol.12, No.9. P.339-396.
- Kroeber A.L.** Classificatory Systems of Relationship // N.Graburn (ed.). *Readings in Kinship and Social Structure*. N.-Y., 1971. P.59-64.
- Lounsbury F.G.** Another view of the Trobriand kinship categories // *American Anthropologist*, 1965, vol. 67. P.142-185.
- Radcliffe-Brown A.R.** The Social Organization of Australian Tribes // *Oceania*, 1930, vol. I, No.1. P.34-63.
- Radcliffe-Brown A.R.** Dravidian Kinship Terminology // *Man*, 1953, vol. LIII, Nos.169-171. P.112
- Read D.W.** Another look at kinship: reasons why a paradigm shift is needed // *Алгебра родства*, 2009, вып.12. P.42-69.
- Rivers W.H.R.** On the Origin of the Classificatory System of Relationships // *Anthropological Essays*. Oxford, 1907. P.309-323.
- Rivers W.H.R.** The Genealogical Method // N.Graburn (ed.). *Readings in Kinship and Social Structure*. N.-Y., 1971. P.52-64
- Sahlins M.** Culture and nature on a Fijian island. Ann Arbor, 1962.